Синдром Дездемоны

Автор:
Евгения Михайлова

Синдром Дездемоны

Евгения Михайлова

Детектив-событие

Даша всегда думала, что у ее сестры идеальный брак. Но вдруг она узнала, что Светин муж Никита завел любовницу…

Валентина считала, что Никита обязан обеспечивать им с дочерью красивую жизнь, и ни в чем себе не отказывала. Она не подозревала, как ужасно все может закончиться…

Полковник Земцов, начальник отдела по расследованию убийств, и автор детективов Масленников, бывший эксперт-криминалист, не в силах оставаться в стороне, если творится явная несправедливость…

Когда внешне благополучная жизнь начинает рушиться и одна за другой валятся беды, важно понять, что все в мире взаимосвязано, и найти того, кто за этим стоит…

Евгения Михайлова

Синдром Дездемоны

Роман

События и персонажи романа вымышленные. Все совпадения с реальными фактами случайны.

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Михайлова Е., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Часть первая

Утро

Даша выбиралась из сна, как из густой и липкой тины на дне реки. Это было так тяжело, что ей не хватало дыхания. Она уже просыпалась, ощущала влажную кожу, тяжесть спутанных волос, но какая-то часть сознания оставалась еще там, в таинственной беспросветной глубине. И ей казалось, что испарина на лбу – это капли крови.

Она уже была тут, на своей подушке, под скомканной простыней, но не хотела поднимать ресницы. Грозовой, гибельный омут ее сна казался сейчас важнее и предпочтительнее, чем тоска неприбранной обыденности, которая сейчас

набросится на нее со всех сторон, как стая голодных бездомных кошек. Двоюродная сестра Светлана, боец по жизни, обладательница стойкого и жизнеутверждающего характера, пару раз приехала к ней утром, понаблюдала тягостный процесс возвращения к действительности. Мгновенно сформулировала вывод и сделала его программным в отношениях с Дашей. Она повторяет это при любом разговоре с терпением и металлической настойчивостью робота:

– Даша, преодолей себя только один раз, и это станет привычкой. Нет, это станет твоим спасением. Не ложись спать, пока не вымоешь как следует всю квартиру. И для здорового сна полезно, и проснешься, как нормальная ухоженная женщина, в комфортной обстановке. И все сразу пойдет по-другому. Ты мне поверь: я на пятнадцать лет старше тебя, и нет у тебя такой проблемы или вредной привычки, с которой я бы не умела бороться.

Даша или кивала, или меняла тему. При всей логичности и справедливости советов Светы на Дашу они действовали как удар лопатой по голове. Эти жуткие слова: преодолей, умей бороться… Даша хочет не уметь всего этого. Она хочет не бороться и не преодолевать.

К вечеру Даша всегда чувствовала себя уставшей и выжатой как лимон. Даже если большую часть дня пролежала на диване с ноутбуком на животе. Это была утомленность души, мозга, совести и всего остального. С этим всем пол не моют! С этим или сладко страдают, или находят фильм, который попадает в настроение, так что легко преодолеваешь границы разных существований и становишься героиней, жертвой, пленницей киношной судьбы. Как это все объяснить Светлане, которая кино вообще не смотрит, оно ей кажется причудой лентяев и глупостью, засоряющей упорядоченную жизнь. Как и умозрительные страдания, тоска ума или совести. Светлана – врач. Стоит Даше заикнуться обо всем этом, как кузина начнет предлагать ей лекарства и постарается затащить в лучшем случае к психотерапевту, в худшем – к психиатру.

В какой-то степени, конечно, не обойтись без преодолений. Даша повернула голову, чтобы взглянуть на холодный свет электронных часов. Ну да. Труба зовет. Она сунула ноги в тапки, сделала пять шагов к окну и раздвинула шторы на такое расстояние, какое может вынести, начиная день обязательств и поступков. Каждое утро она видит тот же кусочек двора, то же черное дерево и ту же или очень похожую соседку, которая тяжело тащит два пакета из

магазина. Серый воздух, белый снег и отражение в стекле собственной встрепанной головы со стрижкой «лесенка». Даша вспомнила картинку из интернета: карикатурный ежик стоит на двух тонких задних лапках у окна, и все его иголки растопырились от страха или недоумения, так уныло то, что он видит. И подпись: «Я проснулась не в Париже, и на завтрак не коньяк».

В теплой ванне Даша уже была в состоянии думать о неумолимой последовательности действий. Что-то приготовить, проглотить, выпить кофе и дочитать последние страницы романа модного автора детективов. Найти или придумать особый смысл всей этой длинной истории с поиском убийцы и написать короткий текст, который заставит всех людей, умеющих читать, искать именно эту книгу. Иначе не видать им ни истины, ни покоя. Даша – пиарщица издательства. Текст должен заинтриговать читателя, устроить руководство и не вызвать жестокого сарказма у автора, мрачноватого человека с тяжелым взглядом и насмешливой складкой сухих твердых губ. Этот Масленников когда-то был экспертом-криминалистом следовательской группы по особо важным делам, и теперь он без слов дает понять всем, в частности Даше, что на свете нет более важных дел, чем он сам и его романы.

Голубой свет монитора, любимая мелодия, запах кофе очень быстро создавали Дашину рабочую атмосферу. Финал романа был неожиданным и показался достаточно сильным. И знал бы этот Масленников, сколько справочного материала Даша может перелопатить, чтобы написать три абзаца, лишь бы не показаться автору дурой! Впрочем, она не знает, читал ли он хоть один ее текст. Просто говорят, что он скандалит даже из-за ошибки корректора.

День

Даша отправила работу. Перешла к следующему пункту плана на сегодня. Это проще – маленький коллективный сборник рассказов. Но сначала она позвонила маме, выслушала перечень симптомов, которые могут быть, на мамин взгляд, проявлениями вялотекущего ковида. Даша попросила маму успокоиться и час читала все, что могла найти в поиске по этому поводу. Причем старательно выписывала фамилии авторов-медиков. Потом задала пару вопросов специалистам и просто знатокам на своей странице «Фейсбука». Получила исчерпывающие ответы. Все передала маме с цитатами, фамилиями и званиями.

– Вот спасибо, доченька, – бодро сказала мама. – У меня все прошло, пока мы говорили. Даже есть захотела. Хорошо, что ты позвонила. А то я собиралась нашей Свете звонить. А ты знаешь, как она умеет закошмарить. Как ты думаешь, Светлана хороший врач?

– Слышала, что ее ценят в клинике. Но я бы, конечно, к ней лечиться не пошла, даже если бы было от чего. Просто потому что родственница. Болезнь – это очень личное, интимное дело. Легче довериться чужому, безразличному человеку, чем родне, которая потом не отстанет от тебя с этим знанием.

– Может, ты и права. Хотя само сознание, что в семье есть врач, как-то успокаивает. Но не профессия, конечно, главное достижение нашей Светланы. Главное – ее муж. Точнее, способность женщины сделать верный выбор, а свою жизнь устойчивой, защищенной, благополучной…

В этом месте Даша всегда сообщала маме, что в ее дверь звонят, и прерывала контакт. Потому что все, что касается чужих удачных замужеств и устойчивых судеб, – это на самом деле тоскливые баллады о Даше, у которой ничего этого нет. По крайней мере, так кажется маме.

После паузы Даша перезвонила маме, сообщила, что ей в дверь звонила соседка, просила разменять пять тысяч.

– Мама, мне еще сегодня нужно поработать. Но если получится, попробую к тебе заехать. Не сегодня, так завтра.

– Хорошо, – обрадовалась мама. – Я тогда пойду тесто месить для пирожков с капустой. Но очень прошу: если до темноты не успеешь, лучше давай отложим. У нас ничего срочного, а я очень не люблю, когда ты по вечерам ездишь.

– Договорились. Мам, слушай, я у тебя давно спросить хотела. Мы с тобой когда-то бежали в темноте? Может, когда я была совсем маленькой?

– Какой странный вопрос, – мама ответила не сразу. – Мне трудно вспомнить. У детей бывает такое яркое восприятие. Ты что-то запомнила как событие, а для меня, возможно, это был какой-то обычный вечер, когда я торопилась домой, чтобы тебя покормить. Наверное, из садика забрала.

– Я не запомнила. Мне снится один и тот же сон. Ерунда, конечно. Но это не о том, как меня вели из садика.

– Может, и не о том… – голос мамы прозвучал глухо, как будто она резко отодвинулась от телефона. – Звони, как соберешься.

Даша с удивлением слушала гудки отбоя. Мама никогда не обрывала разговор первой. И сейчас Даша впервые четко сформулировала для себя мысль, которую обычно задвигала на задний план. Они с мамой никогда не говорили о прошлом, которое Даша не могла отчетливо помнить. До школы… О том, как мама была молодой, а Даша маленькой. Об отце, которого Даша помнит смутно: ни слов, ни поступков, ни даже четких деталей внешности. Лишь тяжелое облако каких-то опасений и тревог. Конечно, можно задать вопросы маме и все понять даже в том случае, если она не ответит. Но это гораздо большее преодоление, чем решиться на вечерню уборку по совету Светланы. Нужно ли это кому-то из них или обеим?.. Вряд ли. Людям достаточно тех проблем, какие им готовит каждый день.

Даша завершила работу, запланированную на сегодня. Сделала несколько гимнастических упражнений и как следует потрясла головой, чтобы избавиться от тяжести лишней информации. Вернулась к своей действительности: что она собиралась сделать сегодня? Поездка к маме отменяется, поскольку за окном уже сумерки. Надо бы сходить в магазин за продуктами. И еще вызвать слесаря, наконец, по поводу текущего крана. И, значит, добежать до банкомата, чтобы расплатиться с ним наличными. И… И… И… Количество этих необходимых пунктов превратилось в неисполнимое качество. Даша просто не справится с такой уймой дел. А выбрать одно – это нечестно и вообще недемократично. Конечно, она выбрала бы магазин: купить что-то вкусное. И окончательно загубила бы оставшийся день. Зачем он ей нужен, кусочек дня, освобожденный от всех дел и мыслей?

– Затем, что он мой, – решительно ответила себе Даша. – И больше ничей. Обниму, прижму, сердцем успокоюсь, как говорят гадалки.

Она отправилась на кухню и поставила вариться перловую кашу.

И тут раздался звонок телефона. Светлана говорила, как всегда, командирским тоном.

– Даша, привет. Надеюсь, ты дома? Сегодня в восемь у меня. Это не обсуждается. Будут только очень приятные люди. Я мчусь сейчас домой с огромным гусем, клубникой и пирожными. Никита занимается выпивкой. Повод возник внезапно, час назад. Друг Паша награжден орденом «За заслуги перед Отечеством». Не знаю, помнишь ли ты его, но для нас он очень важен. И он один: отметить событие ему больше не с кем.

– Ты что…

– Да нет, я тебе его не сватаю. У него уже внуки есть. Просто вся семья за границей живет. Короче, постарайся одеться миленько, как ты умеешь. И не забывай: ты самая молодая и красивая в нашей семье. Я горжусь тобой и хочу, чтобы ты не сидела одна, как мышка в норе. Жду, отговорки не принимаю. Если не приедешь – не прощу.

Вот так и является незапланированная проблема. Есть расхотелось. Даша посмотрела на градусник за окном. Какой ужас: там же минус двадцать пять! Идеальная температура, чтобы залезть под два пуховых одеяла и смотреть сериал с видами Калифорнии. Но главное преодоление даже не заснеженная дорога к дому Светланы. Основные раздражители как раз там, в этой огромной, с большим вкусом обставленной квартире. Гости Светланы… Вот где настоящая головная боль. Но отказать близкому человеку нет никакой возможности. Особенно если это кузина, способная стены снести во имя своей идеи.

Вечер

Тот самый верный выбор Светланы, о котором без конца говорит Дашина мама, – это муж Никита, его положение, деньги и вытекающий из всего этого образ жизни.

Никита Городецкий возглавляет министерство со сложным названием, которое Даша запоминать не стала. Ей понятно в его деятельности только одно: Никита может оказывать очень полезные услуги серьезным людям. Они и являются друзьями дома. Состав часто меняется, но солянка остается настолько сборной и пестрой, что Даша уже не удивляется никаким встречам в квартире Светланы. Там может быть посол экзотической страны, генерал ФСБ, начальник полиции,

известный хирург, раскрученный певец и даже откровенный наркоман с общипанной девицей, которые оказываются отпрысками нужных людей.

Все жены чаще всего домохозяйки. И все они, как и Светлана, в шикарных нарядах известных дизайнеров. Одно это могло бы стать жестоким комплексом и барьером для Даши: у нее просто не могло быть таких денег, чтобы соответствовать. В самом начале резкого взлета Никиты и Светланы на высокий уровень благосостояния и светскости, как это понимают люди после определенных доходов, Даша позволила Светлане привести себя в ее бутик с модными брендами и безумными ценами. Не согласилась взять у нее деньги. Бабахнула все свои скромные сбережения на стильное, как сказала Света, маленькое черное платье. На самом деле оно было никакое не стильное, а достаточно убогое. Просто единственное, на которое денег хватало. В общем, пару званых вечеров у кузины можно было в этом платье изображать бедную, но благородную родственницу. Потом это было уже смешно и неприлично. Какая-то бесприданница сидит посреди развеселого нарядного сборища, как черная галка на ветке. Надо было или кончать с этой пыткой, или что-то придумывать.

Придумать получилось у единственной Дашиной подруги Лиды. Благодаря ее таланту и неутомимой выдумке Даша и выглядит сейчас на приемах у Городецких так миленько, как сказала Светлана.

Даша и Лида учились вместе в школе, а теперь работают в одном издательстве. Лида художник-иллюстратор. Она окончила институт Сурикова, причем сразу оказалась и главой большой семьи. Сделала, как сказала бы Дашина мама, выбор, вот только верным его не каждый назовет. Муж у Лиды не только практически гениальный изобретатель, он еще и немыслимый красавец. Лида родила от него одного мальчика и двух девочек, и это не дети, а ангелы. Дима еще и добрый, преданный, тонкий и понимающий. Один у него недостаток, который, конечно, является продолжением достоинств. Диме совершенно безразличны деньги. Он работает – много и плодотворно – во имя прогресса и собственного вдохновения. У него всегда есть работодатели, которые себя бы не уважали, если бы не обманывали настолько бескорыстного человека. Короче, добытчик, опора и защита семьи – это Лида. Она же опекун матери-инвалида. У нее всегда куча подработок, идей по усовершенствованию существования всего ковчега. Одна из таких идей и стала спасением для Даши. По сути, Даша вошла в круг забот Лиды. Им обеим под тридцать, но Даша все еще выпутывается из подростковых представлений, иллюзий и страхов. И Лида по-матерински жалеет ее уже за то, что у нее нет такого бесценного в самом прямом смысле слова

сокровища, как Дима и их общий выводок прелестных птенцов, хлопающих синими папиными глазами. А Даша жалела Лиду, тщательно это скрывая. Она сильная женщина, творческий человек, – и вся без остатка растворилась в одном деле жизни. Вьет гнездо, в котором тепло и уютно должно быть всем, кроме нее самой. У Лиды нет минуты в целых сутках, когда бы она думала только о себе. Дышала бы для себя. Даша не видит в ее жизни уголка для себя. А Дашина жизнь – это именно уголок, только свой.

Дашину проблему с нарядами Лида решила быстро, просто и, как всегда, талантливо. У ее мамы всегда были тяжелые проблемы с двигательным аппаратом, поэтому она и трудилась на дому портнихой. Лида с детства ей помогала, потом стала главной мастерицей, и они с мамой поменялись местами. Начинала мама с того, что копировала фасоны из модных каталогов, находила дешевые аналоги тканей. Лида пошла дальше. Она сейчас не копирует, а просто деликатно заимствует идеи самых известных дизайнеров мира, причем никогда не весь фасон. Она соединяет отдельные детали нарядов разных мастеров в своем порядке и по собственной мелодии. Получается иногда удивительно, причудливо, ни на что не похоже. А ткани сейчас можно найти очень недорогие и вполне хорошие, если ориентироваться на рынке распродаж.

Дети Лиды одеты, как куклы с витрины. А теперь и шкаф Даши заполнен чудесными вещами. Они точно ее – по духу, стилю, цветовым решениям. И застенчивая по жизни Даша чувствует себя в них уверенно в какой угодно ситуации, на любом фоне. Лида открыла ее мягкую женственность, нежную и строгую прелесть.

Даша выбрала для этого вечера блузку из темно-красного шелка в крошечную черную крапинку. Воротник стойка, с одной стороны боковая застежка на антикварные, обтянутые черным кружевом пуговицы, с другой – оборка до талии. Рукав – буф до локтя, а до кисти он обтягивающий, застегнутый на такие же пуговицы. Юбка до щиколоток из черного крепа, облегающая до колен, затем немного расклешенная. Закрытые лодочки с пряжкам под черненое серебро. Даже черное шерстяное пальто английского покроя сшила Лида.

Даша и сама не любила опаздывать, знала, в какое негодование способна впадать Светлана, когда приходится задерживать из-за кого-то ужин. Но ей пришлось простоять в пробке около получаса. Когда Даша вошла в огромную гостиную, все уже сидели за столом. Светлана, одобрительно посмотрев на Дашу, поворчала вполне добродушно. Ее муж Никита выдвинулся из-за стола

всем своим огромным туловищем, взял Дашу за руку, по-отечески притянул к себе и представил гостям:

– А вот и наша Дарья-краса. Моя свояченица и просто родной и дорогой человечек. Света, быстро налей ей штрафной бокал.

Он усадил ее рядом с собой. Даша спокойно улыбнулась навстречу двенадцати взглядам. Кажется, только гости Светланы всегда смотрят так прямо, бесцеремонно на человека, как будто товар выбирают. Опять новый состав. Даша никого не узнает.

– Мы с вами не встречались раньше? – вдруг произнес довольно яркий блондин, сидящий напротив.

– Точно нет, – ответила Даша. – У меня хорошая память на лица.

– У меня тоже, – серьезно ответил блондин. – И я не мог перепутать ваше лицо ни с каким другим.

– Не обращайте внимания, Дашенька, – высоким и слишком звонким голосом произнесла дама в черном, сильно декольтированном платье. – У моего мужа есть свои приемы для знакомства с красивыми девушками. Они примитивны, но он их принципиально никогда не меняет. Слава, – она любовно потрепала мужа по загривку, – прекрати смущать человека.

Никита добродушно рассмеялся и обнял Дашу за плечи:

– Ты не права, Зина, – сказал он декольтированной даме. – Нельзя смутить женщину восхищенным вниманием. А у Славы еще и профессиональный навык. Он полковник МВД, Дашенька. Начинает знакомство, как допрос.

– Отстаньте все от моей сестры, – велела Светлана. – Дайте ей хотя бы поесть как следует. Думаю, она между моими ужинами питается только бутербродами.

Света хлопотала вокруг стола, почти не присаживаясь. Все было очень вкусно, Никита и сосед с другой стороны подливали Даше в бокалы вино, шампанское, коньяк. Она не то чтобы опьянела, а как-то разогрелась, расслабилась в

атмосфере сытости, праздности, бездумного ублажения плоти.

Потом были пирожные и кофе. Никита включил музыку, кто-то танцевал. Две гостьи заинтересовались Дашиной блузкой. Прошло несколько часов, и Даша во время еды и разговоров с разными людьми ни на минуту не переставала ощущать на себе светлый, пристальный взгляд полковника Славы. Сама она старалась не смотреть в его сторону. Но его глаза, как два серебристых луча, прожигали ее кожу.

Это так утомляло, что Даша стала разглядывать танцующих. Всех затмевал, конечно, Никита, в его па слоновьей грации было даже что-то очень привлекательное. И вдруг партнерша – высокая, знойного вида брюнетка – обвила его шею руками и стала страстно целовать. У Даши даже рот открылся от изумления. Собеседницы, проследив за ее взглядом, тоже уставились на пару, но их реакция была почти радостной.

– Ну, Валька, дает, – шепнула одна.

– Маньячка, – ответила другая. – И напилась, наверное. Больше негде прилипнуть к хозяину дома, только на глазах его жены.

Дальше была просто сцена из ужастика. Светлана в своем изысканном облегающем жемчужно-сером платье налетела на знойную брюнетку. Кто-то выключил музыку, и гостиная наполнилась грубыми, хриплыми ругательствами, произнесенными голосом Светланы, который недавно был мелодичным и нежным. Все застыли, глядя, как Светлана оттаскивает соперницу от мужа и пинками подгоняет к холлу. Изгоняемая дама, побагровев, все же пыталась нетрезво хихикать, чтобы все подумали, что это у них шутка такая. Тем временем кто-то нашел ее сумку, длинную соболью шубу, сунул вещи ей в руки. Через минуту даму легко и технично вытеснили из квартиры. Здесь собрались люди, которые умеют решать проблемы. Никита стоял посреди опустевшей части гостиной, которая только что была танцполом, и просто смотрел на происходящее, как будто оно не имело к нему никакого отношения. Затем взял со стола бутылку виски и неторопливо, важно прошествовал в свой кабинет. Через какое-то время туда влетела Светлана. Музыку вновь включили, гости вернулись к выпивке и пирожным. Даша встала со страстным желанием бежать отсюда поскорее, прошла мимо закрытой двери кабинета Никиты и, к своему ужасу, услышала там звенящий от рыданий голос Светы, который вдруг оборвался звонкой пощечиной и странным стуком.

Даша заметалась: то ли войти туда без спросу, то ли все же бежать. Но вдруг Светлане плохо?

– Не вмешивайтесь, – произнес спокойный мужской голос прямо ей в ухо. – Они разберутся. Не первый раз. И никому не будет приятно, если мы дадим понять, что что-то вообще заметили.

Светлые глаза Славы смотрели на Дашу с неотвратимостью стали в состоянии белого каления. Какой-то холодный пожар. Она подумала, что именно так может смотреть маньяк-убийца. Глаза полковника задержали Дашин взгляд, и он вдруг хорошо, заразительно рассмеялся.

– Ты сейчас как Красная Шапочка рядом с Серым Волком. Мне кажется, ждешь, что я вытащу наручники и начну тебя истязать. И что вообще тут логово извращенцев. А это нормальный семейный дом, где любящие муж и жена временами хотят поубивать друг друга. Это очень освежает чувства супругов. Подожди, не убегай, и ты опять увидишь семейную идиллию.

– Ну уж нет, – запальчиво ответила Даша. – Мне кажется, он ударил Свету. Она никогда такое не простит.

– А давай пари? Если будет по-моему – ты оставляешь мне свой телефон. Если нет… Я навязываю тебе свой.

– Давай, – улыбнулась Даша.

Ночь

Даша послонялась по квартире кузины. Было уже очень поздно, но гости не расходились. Хотя на их месте было бы так естественно и тактично исчезнуть по-английски во время жесткой ссоры хозяев дома. И оставить, к примеру, милую прощальную записку, как будто ничего и не произошло, просто спать пора. Но всем, кажется, как Славе, было интересно посмотреть, чем у супругов закончится. Может, тут все пари заключили? Может, у них есть такая регулярная забава? Похоже, одна Даша была не в курсе проблем сестры. Никита – и романы

с посторонними знойными дамами? Как странно. Светлана не просто никогда на это не намекала, весь ее облик был отрицанием подобного предположения. Она была уверенной в себе, говорила о муже уважительно-покровительственно: такой серьезный и влиятельный человек в быту совершенно беспомощен, как огромный ребенок Светланы. Так оно и выглядело со стороны, по крайней мере для Даши. Света – яркая, стильная, деятельная и эмоциональная женщина. Она больше чем красивая, считала Даша. Худое страстное лицо: впалые щеки, большие голубые глаза, подвижный, нервный рот с узкими губами и крупный нос с горбинкой. Лоб, как корона, украшает высокое, нарочито небрежное сооружение из роскошных темно-рыжих волос. Это их естественный цвет. Когда Светлана их распускает, они закрывают ее поясницу. Фигура у Светы очень стройная и женственная. Она со своей копной волос достает мужу до плеча, и это смотрится так мило, женственно и трогательно. А Никита… Он, конечно, и есть ее каменная стена по всем физическим параметрам: рост под два метра, а вес наверняка далеко за сотню килограммов. И при этом такое добродушное круглое лицо, доверчивый и ласковый взгляд…

Да, Даша точно ничего не понимает ни в мужчинах, ни в женщинах. Тут надо советоваться с Лидой, наверное. У Даши горели от усталости глаза, отяжелели плечи и ноги, но спать не хотелось совершенно. Она бы после всего и дома не уснула. Так что лучше на самом деле что-то досмотреть.

Ее негромко окликнули, она повернулась и увидела на пороге комнаты Славу. Он выразительным жестом явно приглашал ее в кухню, которая была в конце холла. Даша кивнула, а затем любопытства ради посмотрела на гостей: она искала жену Славы. Зинаида с каким-то типом в очках сидела за шахматным столиком и явно была занята игрой.

Даша вошла в бело-золотую кухню Светланы, жадно вдохнула запах только что сваренного кофе и со стоном предвкушения рухнула в мягкое кресло.

– Кофе… Умираю, хочу.

– Немного коньяка необходимо для полного эффекта, – убежденно произнес Слава, – и кусочек «Праги». Мы все заказываем этот торт в такой кондитерской, что это уже не торт, а целительный бальзам.

– Почему-то я его ни разу у Светы не пробовала.

– Вот видишь, какой познавательный вечер у тебя получился. Сколько новой информации и впечатлений.

– Я бы предпочла без них, – ворчливо произнесла Даша. – Без похабщины, семейного насилия и без дурацкого торта во втором часу ночи. Да и без ваших ненормальных намеков на то, что мы где-то виделись.

– Мы уже на «ты», если ты забыла. Мы раньше не виделись, конечно, в противном случае я давно бы уже стал твоей тенью. Но это и не мой примитивный прием, как объяснила Зина. Я просто узнал тебя… Как что-то очень свое, как мечту, как придуманный образ… Если ты понимаешь, о чем я.

– Да, – устало произнесла Даша. – Понимаю. Я, кстати, редактор, немного стилист. И я узнаю с полпинка банальность номер два на тему встречи с мечтой или даже детским идеалом. Читаю это в рукописях через день. Давай закроем эту часть светской беседы и просто посидим, попьем кофе, я разберусь, что такое особенное в этой «Праге». И я точно тебе не совру, если скажу, что молчать с тобой не то чтобы очень приятно, но лучше всего остального этой ночью в этой квартире.

– За эти слова спасибо, – сказал Слава серьезно, даже строго.

И чуть сжал Дашину руку очень горячей ладонью.

Даша на самом деле на какое-то время выпала из действительности. Как будто попала в уютное убежище во время стихийного бедствия. Тепло, вкус, запах… Внимательный взгляд, который окутал ее, как защитный плащ-невидимка.

А потом вновь зазвучали оживленные голоса, даже музыку или телевизор кто-то включил.

– Вот и хеппи-энд, – подмигнул Даше Слава. – Пошли смотреть?

В гостиной все вернулось до момента скандала. Как будто монтажер вырезал кусок пленки. Гости болтали громко, непринужденно, временами со смехом прятали зевки и смотрели на часы. Как мы, мол, засиделись в такой приятной

компании, пора и честь знать. На двухместном диванчике в специально выделенной нише сидели Никита и Светлана. Сестра была уже в другом, мягком просторном платье пудрового цвета.

Даша подошла к родственникам на деревянных ногах, чтобы попрощаться. Но Света притянула ее за руку и втиснула между собой и мужем.

– Посмотри, Дашунь, на него. Какое же у него доброе и милое лицо. Иногда я так на него злюсь, потом посмотрю – и понимаю: вот кто за меня жизнь отдаст, если надо.

Никита добродушно рассмеялся:

– Какие страсти у тебя, Светик. Отпусти Дашу, у нее, кажется, уже глазки слипаются.

Даша пристально смотрела на лицо Светланы, отчетливо видела кровоподтек на виске, замазанный тоном, свежую ранку поверх губной помады в уголке рта. А когда Света откинулась на высокую спинку дивана, она охнула от боли. Неизвестно, что там на затылке, если стук головы о шкаф или стену Даша услышала через дверь.

– Да, засыпаю, – сказала Даша и встала. – Засиделась на вашей кухне за кофе и тортом. Все супер. Так я поехала, Света?

– Обязательно позвони из дома, – сказала сестра.

В холле Даша нашла свои пальто и сумку, открыла входную дверь и наткнулась на Славу. Он «случайно» вышел покурить на площадку. Молча протянул ей свой телефон и пожал плечами в ответ на ее взгляд. Ах да, пари. Даша набрала свой номер, кивнула на прощание, вызвала лифт. Перед тем как его двери съехались, она увидела нос и острые глаза Зинаиды, которая выглядывала из квартиры.

Дома Даша была в половине четвертого утра. По крайней мере, эта чудовищная ночь закончилась. Она разделась, налила горячую ванну, и вдруг раздался телефонный звонок с незнакомого номера. Ответила и услышала короткие гудки. И сразу пришло сообщение с того же номера: «Это мой телефон. Если что-

то понадобится – я тут. Слава».

Часть вторая

Рассвет Валентины

Потолок с позолоченной лепниной загадочно мерцал над огромной люстрой на толстых цепях с плафонами-свечами. Валентине люстру продали как антикварную и осовремененную. Так это или нет, но такая массивная люстра вынесет многое. И не разлетится на хрупкие кусочки от выпущенных на свободу яростных стонов хозяйки, ее тяжелой брани, изощренного и умелого мата.

Знойная брюнетка металась по квартире, отшвыривая крупными босыми ступнями все, что попадалось на пути. А попадалось ей многое: стулья, пуфики, коробки с новой обувью, столики с косметикой и украшениями и даже подносы с коньячком, виски и рюмками. Валентина не была хорошей хозяйкой. Она вообще не была хозяйкой, убиралкой, полотеркой и клушей с тряпкой и пылесосом. Она не баба, не подстилка, не содержанка и не убогая «яжеженщина» с большой буквой «Ж» наперевес. Валентина – личность. Она деятель, востребованный обществом. Она женщина в том высоком и важном смысле, что несет в своем теле потребность и способность осчастливить особого избранника. Того, который способен ее оценить и ответить на ее призыв с готовностью и благодарностью. И такой особый человек в ее жизни появился. Год назад Никита Городецкий принял ее на должность главврача поликлиники своего министерства. Они сразу поняли, что созданы друг для друга. Во всяком случае, Валентина прочитала это в его взгляде без слов. Никита долго оттягивал их сближение. Он явно не был новичком в науке страсти и ждал момента безудержного притяжения. Это случилось совсем недавно в рабочем кабинете Валентины. Это было потрясающе, незабываемо и неповторимо. Повторимо лишь на еще более высоком уровне.

И Валентина пришла на званый ужин к Городецким с горячей надеждой и твердой уверенностью в том, что они вдвоем поставят всех перед фактом – не

адюльтера, не флирта или романа, а уникальных отношений, перед которыми тают жалкие нормы домостроя. Кроме Валентины и Светланы, на этих вечерах все женщины в основном домохозяйки, приживалки и содержанки. Да и Светлана – рядовой врач в муниципальной клинике, крайняя справа на групповом фото серого, замученного коллектива. Наверняка Никита не снимает ее с работы, чтобы не мозолила постоянно ему глаза дома. И чтобы не осталась без своего гроша, если он захочет развестись. Должно же это когда-то произойти.

Валентине вдруг показалось, что тончайшее кружево ручного плетения на лифе ее узкого платья впечаталось или вросло в ее горящую воспаленную кожу, как прутья металлической клетки. Она начала расстегивать платье на спине, через секунду потеряла терпение, рванула застежку, требующую исключительно нежного обращения. Когда затрещали и кружево, и тонкий шелк, Валентина почувствовала яростное возбуждение. Она рвала платье, которое ей обошлось в целое состояние, как будто расправлялась со страшным унижением, пережитым в доме Никиты, со всем тем, что видели глаза этих проклятых зевак и сплетников. Она бы и глаза всем выжгла своим гневом… Ничего, она еще ответит всем и каждому.

Валентина переступила через бесформенное облако уничтоженного платья и оказалась перед большим зеркалом на стене. Она увидела на предплечье багровое пятно. Да это же она, Светка, вцепилась ей в руку своими костлявыми пальцами! Валентина задохнулась от ненависти. Перед глазами поплыла лента ярких мгновений: голубой исступленный взгляд жены Никиты, ее растрепанная рыжая копна волос, как огонь войны… То ли растерянное, то ли испуганное лицо Никиты, алчущие зрелищ рожи зрителей, оживленные и обрадованные, как в зоопарке. И ее собственный позорный путь, когда она, не сопротивляясь, подчинилась страшному изгнанию. Светка что-то орала, толкала, тащила. И ни один человек не возмутился, не посочувствовал Валентине. А точнее, ее не защитил тот единственный человек, который должен был это сделать, и потому вся свора его гостей с удовольствием приняла участие в расправе над Валей, любимой женщиной Никиты. Это не Светка собирала ее вещи, не она распахнула входную дверь перед тем, как ее вытолкнуть, не она вызвала лифт…

Валентина крепко сжала свои крупные, сильные ладони. Да она их всех могла бы запросто раскидать там… Если бы не пустой взгляд Никиты, если бы был хоть крошечный лучик поддержки. Пальцы Валентины хрустнули в стальном переплетении. Как легко бы сломалась тощая шея Светланы, если бы она сейчас

оказалась рядом! Но Валя хорошо усвоила истину о том, в каком виде подают месть. Валя вспыльчива, но терпение у нее закаленное, как у полководца. Она свою месть достанет не просто холодной, а замороженной. Когда они все забудут: и зеваки, и Никита, и даже сама Светлана… И никто не поймет, что свежий ветерок рядом – это не весна в окно, а месть Валентины, оттаивая, наполняется свежей кровью. Да, только кровью!

На рассвете Валентина постояла под холодным душем, растерла тело до багрового цвета. Выпила полный стакан виски и даже почувствовала его вкус, затем потеплело сердце и пришло облегчение. В ней по-прежнему жива была уверенность в чувстве Никиты, пусть он даже и показал себя полным трусом. Валя взяла со столика телефон, набрала его номер. Он ответил через восемь гудков. Голос был то ли сонным, то ли недовольным:

– Зачем ты звонишь, Валя? Шесть утра.

– Я должна была голос услышать… Неужели непонятно.

– Понятно – непонятно, какая разница. Мы что, беседовать сейчас будем? Мне нужно выспаться. Днем поговорим. Я позвоню. Да, только без глупостей, ладно?

– Не знаю, о чем ты говоришь. До встречи. И… обнимаю.

Валя отложила телефон. Она была почти спокойна. Да, так действует на нее сам звук его голоса. И это вовсе не значит, что она доверит хоть кому-то те решения, которые принимает только самостоятельно.

День Никиты

Голова была тяжелой, мучила изжога, подташнивало и, несмотря на все это, требовательно и властно заявляло о себе чувство голода, основной инстинкт Никиты Городецкого. Его голод – это не примитивная потребность в еде. Так ощущает он всю полноту существования. Да, это утоление голода, с каким младенец упивается грудным молоком, чтобы стать сильнее матери. Поглощение самых вкусных, бодрящих и укрепляющих блюд, зажигающих кровь

напитков – как высокое наслаждение и источник оптимизма. Голод как непреодолимая сила, которая влечет к женскому телу. Голод, который могут утолить только деньги. И голод – власть… Самая упоительная его разновидность. Никите не требуется ею злоупотреблять, чтобы почувствовать себя князьком-самодуром. Ему хватает ума и полноценности просто быть настоящим, уважаемым руководителем. Который может себе позволить любое отступление от норм и законов ради дружбы, к примеру, или любви. Ему простят, его любят, он заслужил.

Эта ночь все сбила к чертям. Как можно было предположить, что эти две идиотки, оказавшись в одном пространстве, поведут себя как подзаборные малолетки. Светские дамы, извините за выражение.

Утром Никита проснулся в спальне один. Светлана легла спать в комнате для гостей. И это правильно: меньше всего им обоим нужна была общая постель. Но после душа Никита не обнаружил на кухне обычного обильного горячего завтрака. В холодильнике не оказалось его минеральной воды. А он за время супружеской жизни даже кофе себе разучился варить. Зачем? Дома жена, на работе секретарши.

Светлана не могла проспать. Это исключено. Так выглядит ее демонстрация. Никита прислушался к себе, пытаясь обнаружить чувство вины. Знать бы, что оскорбило жену больше: приставания к нему Валентины или то, что ему пришлось вывести ее из истерики единственно возможным действенным способом. Не так чтобы первый раз. Но это никогда не сказывалось на порядке их жизни. Его завтрак – это начало его плодотворного дня, его работы, их благополучия… Ее денег, тупая бабья башка.

У Никиты ничего не получилось с поисками вины, лишь жгучее раздражение распространилось от желудка по всему телу, заполнило вены на висках. Что они себе позволили обе! В его доме, на глазах его друзей и нужных партнеров.

Никита приехал на работу голодным, прошел по коридору, не отвечая на приветствия, вошел в кабинет. Он нажал кнопку вызова секретарши, хмуро посмотрел на кокетливую Катю с вызывающе разрисованным лицом. С каждым днем мажется все более жутким образом. Ее кукольное личико уже похоже на рожи из фильмов про ведьм и вурдалаков. Никита чуть было не выпалил это, но вовремя сдержался: ему самому было ясно, что дело не в Кате, а в его раздражении и в том отвращении, которое поднимается в нем сегодня при виде

любой женщины. А Катю он выбрал сам не так давно из сотен соискательниц исключительно по фото.

– Свари кофе, Катя, – сказал он. – Нет, не вари сама. Мне нужен нормальный кофе, а не бурда твоей кофемашины. Сходи в пищеблок к шеф-повару. И что-то поесть, он знает, что я люблю. Не было утром времени дома позавтракать. – Никита постарался добродушно улыбнуться. – А пока налей мне что-то выпить. Встречи немного передвинь.

Катя достала из бара, замаскированного под сейф, бутылку водки и графин с виски, показала: «Что налить?»

– Поставь на стол, дай стакан, я сам разберусь.

Когда Катя, виляя сразу всем телом, поставила перед ним поднос с бутылками и стаканами, он приобнял тоненькие косточки ее бедер. Чувство голода нужно тренировать в любой ситуации. Иначе до отмирания рукой подать.

Когда Катя вышла, Никита закрыл дверь изнутри, сделал несколько жадных глотков из стакана с водкой, прислушался к себе, затем выпил виски, уже смакуя. Кажется, немного отпустило, и можно, наконец, переключиться на работу.

Он посмотрел на свой мобильный, который лежал с отключенным звуком, увидел среди пропущенных вызовов звонок от Петрова, своего заместителя, и перезвонил.

– Привет, Коля. Ты хотел зайти? Давай через сорок минут. У меня тут одно срочное дело.

Завтрак от шеф-повара был скромным, простым и изысканным. После такого точно не отяжелеешь и не отупеешь. Несколько ломтиков черного хлеба особой выпечки, который у шефа называется «деревенским», поджаренных так, как он один умеет. Несколько кусочков малосольной рыбы собственного приготовления, немного паюсной икры, кусочки авокадо и малосольного огурца, который пахнет укропом. И все это в обрамлении золотистого желе, которое повар Женя готовит лишь для министра – оно из шампанского с добавлением каких-то специй, секрет которых не раскрывается даже Никите. И, конечно, кофе, от одного запаха

которого сердце бьется чаще и сильнее.

У Петрова дело было важное и деликатное. Нужно заказать для особого круга людей ряд продуктов и препаратов в обход санкций и под благородным соусом милосердия. Они просматривали список фондов и благотворительных организаций, которые спонсировали, долго выбирали.

– Одни и те же, – произнес Петров своим суконным голосом без выражения. – Бросается в глаза. Я вообще никому из них особенно не доверяю. Даем повод для вымогательства, которым некоторые уже пользовались. Намекают, что какая-то проверка может поискать получателей. И речь, конечно, о том, что сами наведут, если мы не пойдем навстречу. Я всегда вхожу в положение, а сам ищу решение. У меня тут мысль одна есть. Открыть нам свой центр, скажем, для особых пациентов при нашей больничке. Под него создать свой благотворительный фонд. И полностью содержать, заказывать, получать, что понадобится, без лишних глаз и одолжений. Директор у нас, я считаю, готовый. Валя Давыдова – наш человек.

Никита долго молчал. Идея была блестящая. Еще вчера он ухватился бы за нее с радостью. Но сегодня, после всего… Она же вообще ему на голову сядет.

– Неплохо, – осторожно произнес он. – Давыдова только немного беспокоит. Ты, наверное, и сам заметил: стала заноситься.

– Да ладно, – хихикнул Петров. – Осадим, если что. Не первая, не последняя. Замену всегда найдем. Главное, дело поставить. А она это умеет.

– Тогда решили. С ней надо поговорить, чтобы все оформила грамотно. Что за болезни, как, где и все такое. Не могу сегодня сам с ней все обсудить. Но когда профиль выберете, прикинете масштабы, суммы – пусть позвонит и доложит.

Валентина позвонила ему по служебному телефону в конце рабочего дня.

– Добрый вечер, Никита Евгеньевич, – доложила она казенным тоном, каким всегда говорила в расчете на то, что Катя подслушивает. – Докладываю по вашему поручению. Все обсудили. Решили: пусть будет центр аутизма. Над полной докладной с расчетами работаю.

– Жду в конце недели, – ответил Никита. – Благодарю вас, Валентина Игнатьевна.

Он был уже совершенно спокоен. У него есть дело. И у каждого дела есть высокий смысл – усовершенствование жизни. Своей и чужой.

Ночь Светланы

Светлана любила эту комнату для гостей, которая находилась дальше всех от супружеской спальни. Она была идеально продумана и обустроена. Особая звукоизоляция, как в тайной лаборатории, прочная удобная мебель темного дерева, глухие черные бархатные шторы, множество разных светильников. В алькове – маленькая ванная комната со всем необходимым в шкафчиках. Тяжелая дверь изнутри запиралась на ключ и на толстую медную цепочку. Гости знали: ни один звук или запах не пробьется сквозь эти стены и запертую дверь. Все в этой уютной комнате было гарантией тайны. В большой аптечке были полки для всего: препараты на случаи разных проблем со здоровьем, средства другого рода – возбуждающие или успокаивающие. И качественные наркотики. Нет, у них в гостях не бывает обдолбанных наркоманов. Это просто люди, утомленные тревогами, очень напряженной, ответственной работой и сложностями самых разных отношений. Каждый имеет право расслабиться в безопасности тем способом, какой ему или ей больше подходит.

Не знали гости лишь о том, что в ванной, за яркой красивой панелью прячется дверь, в которую хозяева смогут войти в случае крайней необходимости. И такие случаи были уже дважды. Оба раза дело шло о спасении жизни, никак не меньше. Об этом никто не узнал, кроме Никиты, Светланы и тех безрассудных гостей, которые позволили себе слишком расслабиться. Кстати, тогда, во время спасательных операций, Светлана и узнала, что звукоизоляция в комнате для гостей не такая уж совершенная. Никита воспользовался прослушкой, о которой не счел нужным раньше сказать жене.

Светлана нередко ночевала в этой комнате. Это был ее отдых в главной работе жизни – нести бессонную ответственность за порядок и внешнюю картинку своей семейной жизни. Это всегда должны быть покой, позитив, абсолютная гармония без накладок в мелочах. Они с Никитой вместе двадцать лет, и все

темное, острое и опасное надежно спрятано под глубокими стоячими водами, которые Светлана, как богиня лицедейства, создавала из своих слез и скрытых стонов.

Она всегда уверена в том, что категорически не несчастлива. Наоборот: огромное количество женщин даже мечтать не может о такой полной жизни, какая выпала ей. А горести есть у всех, но не каждой дана такая компенсация. И это не только деньги, любые связи, что делает супружество особым родом высокого, интимного и стремящегося только к успеху бизнеса. Нет, конечно же, нет. Деньги и связи – это всего лишь следствие очень сложного, редкого и плодотворного союза двух людей, выбравших друг друга не для банальной семьи, а для особого пути. Для миссии значительной и богатой во всех отношениях жизни. Светлана любит Никиту. Ей на самом деле кажется благородным и добрым его красивое, породистое лицо. Она способна принять, понять его гнев, его потребность как-то спалить токсичные эмоции – досаду, разочарование, раздражение, которые отравляют его разум, отнимают силы, нужные для стольких дел. О том, чтобы что-то ему прощать, не может быть и речи: Светлана не считает его виноватым ни в чем. Она не позволяет себе так считать: это разрушило бы всю ее теорию особой миссии на двоих.

Но… Но, но и но! Она тоже живой человек и ничего не может поделать со своим горячим сердцем и взрывающейся от ревности кровью. Только женщина, точнее, женщины, которые претендуют на Никиту, способны довести ее до истерики и непотребного поведения. Она надеется, что Никита это понимает и тоже принимает как оборотную сторону ее преданной любви.

Света плотно закуталась в пуховое одеяло: ее бил озноб. Не помогли ни горячая ванна, ни успокоительная таблетка. Это привычный «отходняк» организма, который рвался на пределе самых тяжелых ощущений и эмоций. Да, речь и о физической боли. О том, что она опять подвергалась страшному унижению насилия. И ей пока еще не удалось справиться с потрясением и утешиться привычной мыслью: он просто такой. Он полон силы, которая порой руководит своим обладателем.

Двадцать лет назад вчерашняя выпускница мединститута, работающая на «скорой», увидела мужчину, который полностью соответствовал ее представлениям об идеальном муже. Приятная внешность, отличные манеры, прекрасная речь образованного человека. И чудесные, интеллигентные родители – два профессора математики. Светлана тогда приехала на вызов к

матери Никиты: у Екатерины Городецкой случился инфаркт.

Они жили в трехкомнатной квартире старого дома на Бауманской. Очень простая, дешевая мебель, простенькие занавески и во всех комнатах стеллажи от пола до потолка, заставленные книгами. Никита и тогда был склонен к полноте, но это лишь придавало его облику обаяние основательности, надежности и что-то бесконечно уютное, домашнее: взрослый человек, который остается маминым сынком и не хочет иначе.

Ему тогда было тридцать два года, Светлане двадцать восемь. Никита волновался. Хлопотал вокруг матери, утешал седого, явно очень больного отца. А Свету терзала одна мысль: он женат? Если сейчас нет, то был ли он женат?

Они тогда повезли Екатерину Городецкую в больницу, сына она попросила остаться с отцом.

Через день Светлана навестила ее с мандаринами и ананасным соком. Екатерина Ивановна сразу узнала ее, обрадовалась. Ей было уже лучше, и она легко пошла на контакт. Рассказала, почему ей стало плохо с сердцем.

– Понимаете, моего сына просто так, на ровном месте, бросила жена. Ничего не предвещало, мы все к ней замечательно относились, я ее искренне любила. А она вдруг ушла.

– У нее появился другой? – с жгучим любопытством спросила Света.

– Мы ничего не знаем. Вообще ничего о ней не знаем. В том-то и дело. Она как будто исчезла. Никто из общих друзей, ее подруг тоже не знает, где она. У нее родители и сестра в Самаре. Никита туда звонил. Но она там не появлялась. Такая дикая история, я не могу это пережить.

– Да, – задумчиво произнесла Света. – А она вообще нормальная?

– Совершенно. Немного нервная, довольно ранимая, но всегда была способна объяснить свои поступки и эмоции.

– Она не работает?

– Вера учительница. После того как они с Никитой поженились, мы все вместе решили, что она оставит работу. Мы с мужем болеем, а Никита с утра до ночи в своем НИИ, по вечерам приходит, поест и опять к своим делам.

Эта Вера так никогда и не появилась в жизни Светланы и Никиты. Перед свадьбой он сказал, что пытался ее искать, писал заявления. Ничего. Света высказала предположение, что его бывшая жена уехала с кем-то за границу. «Так бывает». Веру выписали из их трешки как «без вести пропавшую». Светлана переехала к Городецким. И первого очень нужного и влиятельного человека познакомила с мужем именно она. У нее было немало необычных знакомств во время работы на «скорой». Особенно, если вызов был связан с последствиями перепоя. Стоило откачать интересного, явно непростого мужчину, как он обращал внимание на яркую девушку с шикарными рыжими волосами и огромными голубыми глазами. Знакомство часто продолжалось, а после того, как Света вышла замуж, она всем рассказывала, какой талантливый, практически гениальный у нее муж, который торчит в своем НИИ нефти и газа. Вроде как почетно и все такое, но ни настоящих денег, ни карьеры.

И однажды Никита получил предложение, которое так изменило их жизнь. Она стала такой, в которой больше нечего и желать…

– Нечего желать, – шепнула себе Светлана и расплакалась горькими, безнадежными слезами.

Часть третья

Особый случай

День оказался полностью сумасшедшим. С утра необходимо было приехать в офис на планерку. А Даша именно на рассвете глубоко уснула. Вскочила, когда времени оставалось в обрез. За окном лукаво светило едва ли не первое солнышко этой поздней весны. Захотелось надеть что-то легкое, светлое, нежное. Больше всего подходила новая белая блузка из тонкого шелка. С ней

идеально сочеталась юбка из темно-синей шерсти. Блузка еще лежала в пакете, надо бы погладить. В этом месте Даша всегда тормозила и чаще всего передумывала. Как-нибудь потом, когда будет больше времени. Гладить она ненавидела, потому чаще всего влезала в синтетику, которая никогда не подведет.

Но в это утро так захотелось чертову белую блузку… Такое заманчивое и обманчивое солнце светило за окном. Короче, блузку Даша сожгла, утюг в гневе швырнула на пол. Впала на пару минут в жуткое отчаяние. Потом рассмотрела блузку, позвонила Лиде, описала повреждение. Лида рассмеялась:

– Да я тебе из этой дырки сделаю такое украшение, такой дизайн, изыск и восторг, что в ней только на подиум. А ты вроде реветь собралась… Приезжай вечером. Сейчас мне некогда. Обнимаю.

Совершенно успокоенная, Даша решила больше не стремиться к внешним эффектам. Выпила чашку растворимого кофе с маминым немного подсохшим кексом, влезла в джинсы и серый синтетический пуловер. По крайней мере, она в этом себя отлично чувствует. Доехала почти без пробок в своей машинке-картинке. Долго искала и нашла самый маленький экземпляр в семействе «Ситроенов». Выбрала темно-оранжевый цвет, как у божьей коровки.

Приехала впритык, влетела в кабинет заведующей. Все уже сидели за длинным столом, а заведующая говорила по телефону.

– Да, конечно, – она посмотрела на Дашу. – Вот она как раз пришла. У нас совещание продлится недолго, а потом она сразу приедет к вам. Я поняла, что это важно.

Заведующая положила трубку и сказала Даше:

– Автор хочет с тобой пообщаться. Это по поводу твоего пиаровского текста.

– Что-то не так? Какой автор?

– Сложный. Масленников. Я не стала пока вникать. Да и к чему. Он скажет тебе, что не так, и ты переделаешь. Я, честно, не поняла, к чему такие церемонии. Мог

бы написать в мейле. Но автор всегда прав. Он просит тебя приехать к нему домой: у него растяжение связок на ноге. Ко всему прочему.

Даша сидела на совещании как на иголках. Как же она не любила претензий! А этот Масленников с его саркастической складкой у губ, с его способностью говорить вежливые гадости… Да ему даже ничего говорить не надо, чтобы человек почувствовал себя умственно отсталым ничтожеством.

Через сорок минут она уже входила в квартиру на Старом Арбате. В ней пахло старыми книгами, табаком и тайнами преступлений.

– Здравствуйте, Александр Васильевич! – с порога выпалила Даша. – Что-то очень серьезное? По телефону никак?

– Никак, – улыбнулся Масленников, который на самом деле опирался на палку. – Захотелось с вами познакомиться. Не хотите чаю?

Даша хотела. В голове вихрем проносился табун предположений. Это что-то жутко серьезное, если он хочет ее лично предупредить… О чем? Возможно, о жалобе. Как честный человек. Наверняка о жалобе. Причем сразу директору. Он же такой нелюдимый, старается ни с кем не встречаться. Они даже перестали пытаться организовать встречи журналистов с ним. Его биография, громкие дела, связанные с его именем, многих интересовали. Но Масленников никогда не говорил о себе во имя популярности своих книг. Это требование основной профессии, видимо, да еще щепетильность, порядочность… Вот из порядочности он и решил ей сообщить какую-то гадость.

Он налил чай в чашки из старинного сервиза. Поставил блюдо с печеньем. И вдруг посмотрел на нее почти весело глубоко посаженными темно-серыми глазами.

– Мне вечером попался на глаза ваш текст. Он так меня заинтересовал, что я нашел все, что вы писали к моим книгам. Дарья, вы читали мои монографии и работы в научных журналах?! Для того чтобы написать короткий текст к роману! Я удивлен. И я прав?

– Ну да, иногда смотрю… А как вы догадались?

– Легко. Вы привели в последнем тексте мою фразу из одной старой публикации. Вот это место: «Как написал в одной работе автор, самый честный и надежный свидетель убийства – это покойник».

– Я что-то нарушила? Это закрытый материал? – Даша была в ужасе.

– Да нет, конечно. Вы просто меня заинтриговали. Вы – какой-то особый случай. Это практически научный поиск – так много узнавать об авторе беллетристики. Вы так поступаете с каждым автором?

– Фу-у-у-у, – выдохнула с великим облегчением Даша. – Нет, конечно, не с каждым. Это вы особый случай. В большинстве случаев просто нечего искать. А вы так скрываете свое прошлое, что мне ужасно жалко… Такое богатство пропадает. Не работает, и читатель не знает, что детектив написан настоящим профессионалом, экспертом… А это все меняет, хотя мы и пишем для безопасности, что все выдумано.

– Вы заметили, что мы обменялись комплиментами? – хорошо, заразительно рассмеялся Масленников. – Предлагаю выпить по рюмочке коньяка, чтобы отпраздновать наше знакомство.

– Мне крошечный глоточек. Я за рулем. Но я очень рада, что мы так поговорили.

Даша сделала свой глоточек из рюмки-наперстка после того, как Масленников произнес тост:

– Будем.

Ей вдруг стало в этой чужой квартире тепло и безопасно. И этот человек… У нее никогда не было таких знакомых. Эксперт-криминалист! С ума сойти. Он даже внешне больше ни на кого не похож.

– Дашенька, – вдруг произнес Александр Васильевич, – можно вас так называть? Я предлагаю обменяться мобильными телефонами. Объясню зачем. Иногда в жизни происходит что-то такое, в чем человеку, далекому от происшествий, невозможно разобраться самому. А получить совет у нас не так просто. Я очень желаю, чтобы у вас ничего тревожного не происходило. Но если вдруг – звоните

мне. Как, собственно, и по любому поводу, если будет желание.

Дашу прямо в жар бросило, глазам стало горячо. Так захотелось выпалить тут же, не отходя от этого стола, все, что кажется в жизни непонятным и тревожным. Хорошо, что у нее тормоза сработали. В машине ей было почти смешно. Какой же ерундой показались бы такому серьезному, крутому, как герой детективного романа, человеку ее нелепые сомнения и переживания, ее страхи. А так бы хотелось рассказать о вечере и ночи у Светланы, о шокирующих открытиях… Об этом подозрительном, настойчивом, нагловатом и в то же время капельку притягательном Славе… Как хорошо, что в ее простенькой жизни не может произойти ничего такого, о чем Масленников пишет в своих книгах. Но еще лучше, что у нее теперь есть особый человек на случай: а вдруг.

Царство Валентины

Валентина работала над проектом неделю. За все это время она ни разу не позвонила Никите. Его звонка она не ждала. Валентина – не самый чувствительный человек, но это, пожалуй, тот самый случай, когда она перегнула палку. Ярость и ненависть немного улеглись, и Валентина посмотрела на ситуацию в доме Никиты с его точки зрения. Да, она хотела продемонстрировать не только праздной публике, но прежде всего жене Никиты свою власть над ним, их откровенную близость. Острая и болезненная реакция Светланы ей сначала даже польстила. Значит, приняла всерьез, испугалась до приступа безобразного бешенства. Она ведь обычно такая вся из себя томная, манерная, изысканная. Проблема была в том, как повел себя Никита. Его отстраненность, подчеркнутое безразличие и стали сигналом для этой чертовой толпы. Они все только изображают добрых друзей, веселых собутыльников. На самом деле это никогда не пьянеющие и ни на секунду не забывающие о своих мутных делах просители, которые пришли к своему решале. Если бы Никита изобразил притворное оскорбление своей невинности, его гости могли бы растерзать Валентину физически. Это если усугубить реальную ситуацию.

Выводы? Их несколько, и все обнадеживающие. Она сделала то, что хотела: продемонстрировала особые отношения с Никитой его жене и кругу всех, кто вхож в его дом. Это вызвало бурный ответ, как все настоящее. Значит, все было верно, жалеть не о чем. Следующий вывод: Никита имел право на растерянность

и даже потрясение. Именно потому, что тоже понял: речь идет о возможной и главной перемене в его жизни. Они никогда об этом не говорили, он не готов, ему нужно время. И можно понять его раздражение против нее, Валентины, которая взорвала спокойное течение событий. Никита имеет право на любую реакцию, на то, чтобы демонстративно поставить ее на место обычной подчиненной далеко не первого ряда. Но если она сумеет сделать верно первые шаги, то все преодолеет. Ведь он при всей своей обиде дал ей такой шанс. Это настоящее дело, в котором они будут связаны столь многим: деньгами, тайной, особым доверием и общими планами на будущее.

Валентина вспомнила, как на следующий день после вечеринки встретилась с холодным, даже недоброжелательным отношением Никиты, и испугалась до боли в сердце, что он ее уволит. Теперь точно не уволит. Она довольно рассмеялась и позвонила Кате, чтобы та записала ее к Городецкому на прием. Она тоже умеет демонстрировать чисто служебную отстраненность.

В шесть часов, когда Валентина уже сидела в приемной, Никита задерживал у себя сотрудника, которого пригласил именно с этой целью. В двадцать минут седьмого сотрудник ушел. Начальник позвонил Кате почти в семь часов:

– Давыдова пришла? Пусть заходит.

Валентина старалась спокойно, неторопливо идти по ковру его огромного кабинета, ощущая на себе его пристальный и, кажется, недоброжелательный взгляд, как прикосновение холодных металлических прутьев. Что это? Вдруг все, включая заманчивое предложение, планы и невероятные суммы, озвученные его замом по финансированию, – это просто издевательство, такая изощренная месть? И сейчас он скажет, что на пост руководителя центра решил взять кого-то другого. Еще и отберет ее идеи.

Никита на самом деле испытывал к этой женщине сейчас лишь раздражение. Да, у него нет более подходящего исполнителя для необходимого и достаточно опасного замысла. Опасного только в случае предательства, нечестности или шантажа кого-то из соратников. Но разве Валентина не та, которая способна на все это? К тому же она унижена и оскорблена тем, что ее выдворили из его дома.

Он смотрел на высокую, худощавую, слишком костлявую на его вкус фигуру, замкнутое лицо с выражением решимости и неукротимости и сравнивал Валентину со Светой. Насколько его жена изящнее, благороднее, женственнее. И эта дикая кофта Валентины с огромными цветами. Что за деревня. Света никогда бы к такой тряпке близко не подошла. Никита привык гордиться внешностью своей женщины, нежной, яркой, стильной, как экзотический цветок.

– Садитесь сюда, Валентина Игнатьевна, – указал он ей на стул рядом. – Вы же принесли свои разработки? Надеюсь, они пока не в компьютере. После утверждения решим, что, где и как хранить.

– Конечно, Никита. Все у меня. И, конечно, все пока только мои предложения до того, как ты утвердишь.

Валентина села рядом с ним, открыла папку. Она сразу дала ему понять, что не принимает его спектакль с отчествами, переходом на «вы», начальственными интонациями. Или они в одном деле и все у них серьезно – или они не могут друг другу доверять и затея пустая, обреченная. Они встретились взглядами, и ей стало ясно, что он понял ее без слов.

– Кофе хочешь? – спросил он прежним голосом близкого человека.

– Нет, – ответила она. – Давай поработаем не отвлекаясь. Потом. Но Катю отправь. И рабочий день закончился, и слишком много тут интересного для ее оттопыренных ушей.

Они даже немного поговорили о погоде, пока Катя собиралась. Потом Валентина разложила материалы на столе.

Через час Никита устало откинулся на спинку кресла. Он смотрел на Валентину совсем другим взглядом. В нем были восхищение и даже вожделение. В нем был страх. Да, такие раздирающие эмоции вновь в нем вызывала опальная любовница. Никита не знает ни одного мужчины, способного сразу придать идее настоящий масштаб. И во всех планах такая сила, уверенность, дерзость. Финансовую основу проверит Коля Петров. Но нет сомнения в том, что у Валентины все учтено. Рассчитано до мелочей: и вложения, и результат.

А страх… Он доверяет дело настоящему бойцу, который не станет трястись и мелочиться. Этого бойца не остановит никакой риск. И он доверяет себя такой женщине-вамп. Руководитель по-прежнему он. Его ответственность. И теперь Валентине достаточно пальцем шевельнуть, чтобы его сдуло с этого кресла в неизвестном направлении. Почему-то именно это Никиту и возбуждало.

– Предлагаю обойтись без кофе. За успех положено выпить. Ты как? – спросил он.

– Я – за.

Никита открыл свой бар-сейф, достал бутылки, стаканы. Поставил поднос на журнальный столик у дивана.

– Иди сюда, Валя. Да, забыл спросить: количество больных… Сколько там реальных?

– Не бери в голову. Они просто есть. Потом разберемся. Я как-то устала.

Никита смотрел на ее лицо с острыми скулами и крепким подбородком, сильные, почти мужские плечи, на жадный и хищный рот и думал о том, что настоящая, а не декоративная женщина наверняка должна выглядеть именно так.

Когда они разложили мягкий и упругий диван, Никита испытал прилив адского сплава могущества и зависимости. Он ощущал себя вулканом, который борется с собственным извержением…

– У тебя бывает так с женой? – спросила Валентина через два часа, сгоревших в момент.

Он посмотрел на нее еще туманными глазами, не понимая. А потом рассмеялся:

– Ну, о чем ты. Там совсем другое.

И Валентина почувствовала, как мир вокруг засиял огнями, чудесными странами, дивными замками, драгоценностями и всеобщим поклонением. Здесь, на этом служебном диване, начиналось ее настоящее царство. Ее власть и могущество.

Для начала над этим крупным, рыхлым, изнеженным и покоренным телом.

Мальчик сам по себе

Несколько солнечных и теплых дней поздней весны съежились, а потом и совсем исчезли в серых волнах дождя и пронизывающих порывах ветра. Конец апреля был похож на февраль.

Мама позвонила Даше как-то к вечеру и, покашливая, виновато призналась:

– Сейчас скажешь, что я глупость сделала. Я теплые вещи уже почистила и повесила в шкаф. Не хотелось опять доставать. Думала, это ненадолго – похолодание… В общем, поехала на рынок в плаще… И что-то мне сейчас нехорошо. Наверное, простуда, но как-то хуже, чем обычно.

– Ты температуру измерила?

– Да нет… По правде, встать не могу, чтобы градусник найти.

Даша примчалась к матери, обнаружила ее в горячке и почти в беспамятстве. Первое, что пришло в голову, – ковид. Второе – пневмония. Третье – то и другое.

Вызвала «скорую». Позвонила Светлане и Никите. Когда они с мамой приехали на «скорой» в городскую больницу, их уже ждал человек от Никиты. Повезли в небольшой закрытый стационар для сотрудников министерства. Там они и застряли на неопределенное время: до улучшения. С ковидом пролетели. У мамы оказалась тяжелая пневмония. На ее фоне возникла сердечная недостаточность.

Домой Даша вернулась через две недели. Мама еще оставалась в больнице. Даша помыла руки, сполоснула лицо и сразу бросилась к ноутбуку – читать сообщения в имейле. Господи, сколько всего она пропустила. И сколько призывов к ней с работы.

– Даша, как только появишься, срочно звони. У нас караул, многие болеют, план сорван…

– Дашенька, я болею, возьми моего автора, это ждут…

Даша, Даша… А Даша собиралась проспать три дня подряд. Кому звонить? За что хвататься? Да что тут думать. Вот приглашение на важный форум, который начинается послезавтра.

Даша посмотрела в зеркало на свои отросшие и торчащие в разные стороны русые лохмы: какой ужас, за столько лет ее волосы не обрели взрослого порядка и торчат так же непокорно, беспорядочно, как в детстве. Парикмахерская? Но это же столько времени убить, а ей нужно придумать, что надеть. В интернете сказано, что послезавтра будет тепло. Больше всего подойдет белая блузка… Да она же у Лиды, которая должна из дырки сделать шедевр изыска.

– Конечно, приходи сейчас, – сказала по телефону Лида. – Рада, что ты вернулась. У нас действительно многие болеют, и немного караул. Блузку я сделала, с волосами разберемся.

Голос у Лиды был какой-то глухой, как после слез или от насморка.

– Лидусь, а ты сама здорова? Говоришь странно.

– Я не больна, – ответил Лида. – Но устала на самом деле до смерти. Придешь – попьем чай, поговорим, отдохнем. У меня уже все спать легли.

Блузка привела Дашу в восторг. На месте бывшей дырки возникло нежное украшение из розовато-жемчужного кружева, которое тонкими стебелькам протянулось до плеча. Таким же кружевом Лида отделала манжеты и обтянула пуговицы.

Сама Лида показалась Даше бледной, осунувшейся, с покрасневшими глазами. Она, конечно, ужасно перерабатывает, все тащит на себе. Но так было всегда. А сейчас что-то еще, но Даша никогда не задавала прямых вопросов подруге. Лида – сложный человек, расскажет сама, если решит, что так надо.

Лида сварила им какао на молоке, как делала детям на ночь. Поставила блюдо с крошечными теплыми пирожками с вишней и малиной. В кухне чистота, как

всегда.

Они говорили сначала только о Дашиной маме, о том, что Даша увидела, услышала в больнице: оттуда любой выносит тяжкий груз новой информации.

– В этой больнице хорошие условия? – спросила Лида.

– Конечно. Она же для чиновников. Практически санаторий.

– Я тут прочитала в одной газете, что твой зять вообще заботится о больных людях. Благотворительный фонд в помощь аутистам создал, – Лида произнесла эту фразу, с трудом подбирая слова.

Даша посмотрела на нее с удивлением.

– Ты читаешь такие вещи? Ну, им всем нужно что-то такое придумывать, чтобы не называли коррупционерами, – рассмеялась она.

– Я читаю об этом, – серьезно произнесла Лида. – Беда у нас, Дашенька. Вася. Он всегда был немного сам по себе. А пошел в садик – обнаружилась большая проблема. Он не выносит ничьих прикосновений. Реакция резкая, болезненная. Не может терпеть не только замечаний, но просто прямых обращений. Предположительный диагноз – аутизм. Он сейчас дома, но даже с нами у него проблемы. Маленький ребенок, а его просто так не помоешь, не покормишь, не оденешь по погоде. Самое страшное в том, что он, мне кажется, все время страдает. Ни от чего, по сути.

– Господи, я слушаю, и у меня волосы шевелятся. Не могу себе представить. Васенька, мой синеглазый любимчик! Он не такой, как все, но ведь у него и отец сам по себе гений.

– Да, они похожи. Разница в том, что все моральные и физические проблемы Димы – компенсированные. Он способен все сам определить, сформулировать, обратиться к близким людям за помощью, скорректировать. Я всегда знаю: если у Димы появились сложности, он какое-то время перемолчит, поборется. А потом расскажет мне. И мы вместе все преодолеем. Дима все воспринимает как решение сложной задачи. То, что у Димы, – уникальные особенности, у Васи –

болезнь. От слова боль. Я погибаю от этого. – Лида заплакала, закрыв лицо руками.

– Лида, я поняла, о чем ты. Успокойся, умоляю. Видишь, как все сложилось. У Никиты этот самый центр. А он – отзывчивый человек, ты же видишь, как он маме помог. Я поговорю с ним, он мне не откажет. Все будет хорошо. Я вообще считаю, что у Васеньки это какая-то оборотная сторона красоты и ума. Маленький организм не справляется с великими достоинствами. Но мы найдем всех специалистов. Ты только сама не разваливайся.

И Даша тоже заплакала обильными слезами, так ей стало обидно, что несчастья нападают на лучших и самых родных ей людей. А Васенька такой малюсенький, легкая игрушка для любой неприятности. А тут такая грозная беда.

Часть четвертая

Перемены

Прошло время, и очень многое изменилось в жизни Валентины Давыдовой, в ее отношениях с начальником и возлюбленным, в самом масштабе всех ее дел, проблем и даже эмоций. Перемены коснулись и продуманного, устойчивого, казалось, незыблемого порядка в доме Городецких. На первый взгляд вроде бы все то же, но любой постоянный гость, переступая порог дома, ощущал очевидные, серьезные и, возможно, тревожные изменения.

Детали, из которых состояло новое качество дружеских встреч, невозможно было не заметить. Поведение хозяев, их общение друг с другом, сама атмосфера званых ужинов и даже меню… Иногда гости практически не сомневались, что блюда доставили из ближайшего ресторана. Они сильно отличались от того, что вдохновенно и часто экспромтом готовила Светлана. В самих вечерах появилось что-то натужное, искусственное, и в то же время хозяева растягивали их и держались за них, как за плот посреди шторма. Как будто Никита и Светлана боялись остаться наедине. Да без всяких «как будто». Они боялись, и их

наблюдательным, опытным знакомым это было ясно.

– Черт, – произнес однажды Слава, выходя из подъезда после вечеринки у Городецких. – Или они сейчас пытают друг друга паяльником, подсыпают яд в травяной чай от бессонницы, или я – не полковник Слава, а четвертый маленький лебедь в балете.

– Ты полковник, – сказал с пыхтением обжоры начальник таможенной службы. – Тут все непросто. Я бы сказал, нечисто. А я никогда не ошибаюсь: наркотики в желудках вижу без рентгена за версту.

– Только у этих людей не наркотики в желудке, старик, – печально ответил Слава. – Тут похороны если не любви, то по крайней мере вменяемого договора о сотрудничестве. Не хотелось бы накаркать, но хорошего – ноль. Для них двоих, разумеется, или одного из них. Есть опасения и по поводу нашей регулярной кормежки с такой качественной выпивкой. Других радушных хозяев, которые при этом не окончательные мешки с краденым, а вполне интеллигентные люди, нам не найти.

– Да хрен бы с ней, с кормежкой, – сплюнул таможенный начальник. – Главное, мы всегда могли с Никитой решить какие-то дела в уютной и неформальной обстановке, точно не под запись. А сегодня я пять раз ловил его на кухне, чтобы один вопрос обсудить, а он реально не врубался. При этом не пьяный. Потом сказал, чтобы я к нему с утра в офис заехал. Как ты думаешь, Слава, он не боится, что жена на него стукнет или чем-то шантажнет? У дружных пар такое бывает: ссора, измена – и все, они уже скрытые враги не на жизнь, а на смерть. Особенно если есть что делить.

Слава остановился и какое-то время смотрел в потное лицо собеседника почти с восторгом. Потом сказал задушевно:

– Мой дорогой эпизодический друг, ты уж меня прости: я все время забываю твое имя. Но только сейчас я понял, с каким сокровищем временами сижу за одним столом. Такая проницательность у такой, казалось бы, заурядной личности. Да ты не только в желудках видишь, ты же в сердцах читаешь. И в психологии шаришь. Дай пожму твою руку.

– Да ладно, – засмущался таможенник, сунув Славе пухлую ладонь. – Костя я. На всякий случай.

Никита стоял у окна и смотрел, как расходятся по двору к своим машинам гости. Это тягостный момент. Светлана сейчас домоет посуду и пойдет принимать ванну. Потом он будет стоять под душем столько, на сколько хватит терпения. А дальше нужно войти в супружескую спальню. У них сегодня нет повода разойтись по разным комнатам: они не ссорились. Никита понимает одно: для того чтобы в доме был покой, нужно согревать близостью общую постель. И в нем есть желание. Он по-прежнему любит смотреть на Светлану, на ее изящную фигурку, нежное и нервное лицо, выражение которого постоянно меняется в зависимости от того, что Света чувствует. Но так просто, как было, больше не бывает. Они оба так напряжены, так старательно делают вид, что ничего необычного не происходит, что это уже не наслаждение, а тяжкая повинность. Света – вообще не самая страстная женщина, для нее близость важна тем фактом, что она желанна мужу. Так было раньше. А теперь Никита, обнимая ее, чувствует тиканье перепуганного сердца. Как будто между ними взрывной механизм и она боится, что все сейчас взорвется. Да он и сам… Есть ощущение, что все рассыпается и вот-вот навернется. Что-то, как-то и где-то.

Никита вышел в холл, чтобы убедиться, что Светлана уже в ванной. Затем вернулся в гостиную и набрал номер Валентины. Она очень просила его звонить по вечерам. А ее просьбы часто напоминают требования. Поговорили коротко ни о чем, Валя знала, что его жена сейчас в ванной. Никита начал прощаться, но она его перебила:

– Я вообще-то сказать тебе хотела… У меня сюрприз. Не уверена, что тебе понравится, но для меня это без вариантов…

– Извини, я больше не могу, – успел сказать Никита.

Он оглянулся на шорох и попал в голубой луч почти сумасшедшего взгляда жены.

Надо было как-то ее успокоить, подавить свое раздражение по поводу всех эти неловкостей, которые он никак не может исключить. И лишь на рассвете, засыпая, он вдруг вздрогнул от бессмысленного слова «сюрприз». Только Валя с ее отсутствием вкуса к тряпкам и словам могла его произнести. Наверняка

какая-то ерунда, но почему ему так не по себе… Интонация была странная.

Сюрприз

Довольно долгое время Никита только приветствовал активность Валентины в делах фонда. Тот конкретный результат, ради которого все затевалось, был легко и в полной мере получен. Они заказывали для своего избранного круга все, что хотели. Фонд требовал все больших вложений: они построили закрытую клинику, затем два санатория. А капитал фонда, несмотря на расходы, увеличивался с не очень естественной быстротой. Заместитель Коля Петров говорил, что по финансам для проверки все в порядке. А сам Никита предпочитал во все это не вникать: он не любил темы болезней, даже если это просто единственно возможный предлог удобного бизнеса.

Однажды Никита обнаружил, что в числе добровольных спонсоров фонда появились фамилии известных бизнесменов, живущих не только в России. Затем стало ясно, что Коля Петров давно уже практически отстранен от большого количества проектов Валентины Давыдовой. И вскоре стало понятно, что Валентину все воспринимают как единственную руководительницу центра и, собственно, фонда.

Вечером Никита подъезжал к новому дому, в котором Валентина недавно купила себе квартиру, и думал, что он, возможно, выпустил джинна из бутылки. Валентина по своей сути не способна быть просто доверенным лицом, соратницей, подчиненной и обычной любовницей. Она из породы захватчиц, у нее волчий аппетит ко всему – к любви, деньгам, власти, жизни. В моральном плане Валентина гораздо сильнее, чем он, Никита, и прекрасно это понимает. И что это за выходка с каким-то сюрпризом, который она собирается сейчас ему предъявить? Бесполезно даже гадать, от нее всего можно ожидать.

Он вошел в богато, броско и безвкусно отделанный холл более чем хорошей квартиры. Нет сомнения, что в таком стиле она изуродовала все. Валентина встречала его в темно-красном платье-балахоне. Платье было одновременно домашним и вечерним, и Никита по нему сразу определил, что у Валентины появился нормальный дизайнер. В этом он научился разбираться за годы брака со Светланой, для которой одежда – едва ли не главный приоритет в личной

жизни.

Валентина приветствовала Никиту очень сдержанно, без обычных прикосновений и объятий. Провела его в гостиную и только там произнесла:

– Познакомься с моей дочерью. Ее зовут Вероника, ей четырнадцать лет. И она теперь будет жить со мной. Бабушка, у которой она была все это время, сейчас при смерти в больнице. Они жили в Туле. Такие у нас перемены.

Никита в полной заторможенности смотрел на неуклюжего подростка с черными, как у Валентины, глазами. Какая странная девчонка. В ее позе робость смешана с наглостью и вызовом, а во взгляде вообще что-то вроде блудливости. Тонкие губы растянулись в улыбку, похожую на насмешку. В отличие от Никиты эта дочь-сюрприз явно знала, что он существует и кем приходится матери.

Было сильное искушение сказать им обеим что-то холодно-едкое и отправиться ужинать… Нет, только не домой, а в хороший ресторан. И утопить свое раздражение в том количестве алкоголя, которое для такой задачи потребуется. Ясно, что надо напиться. Но он не успел даже рот открыть. Валентина что-то прочитала в его взгляде и ответила своим – твердым и, как Никите показалось, угрожающим. Да, он своими руками дал ей материал для самого отмороженного шантажа. И даже не знает, сколько злоупотреблений там может совершаться от его имени. Он просто подписывал ее документы не глядя.

Их ужин был пародией на семейный. Женщина, о которой он практически ничего не знал, ее внезапная дочь неизвестно от кого – жуткая смесь блюд. На столе стояли хрустальные вазочки с черной зернистой и паюсной икрой, а рядом кошмарная пицца с кусками подозрительно красной колбасы, сосиски, торчащие из теста, тоже явно покупные, банка с маринованными огурцами. Бутылки с водкой и коньяком.

Мать и дочь все это поглощали, Валентина даже что-то налила и в рюмку Вероники. Никита в основном пил и не мог опьянеть.

– Ты останешься на ночь? – спросила Валентина, когда Вероника вышла из комнаты.

– Ты что! – потрясенно произнес Никита. – В общем, так. Я ухожу, тихо прощаемся, хотелось бы без твоей дочки.

Он уже открыл дверь, когда Валентина его догнала. Сначала проводила до лифта, потом до машины, благо погода стояла теплая и можно было прогуляться в платье. Затем она как-то оказалась рядом с ним в салоне. Решительно произнесла:

– Я понимаю, как тебе хочется сейчас сбежать, не задавая вопросов, которые, я уверена, кажутся тебе унизительными. Но я и без них все объясню. Постараюсь коротко. У меня есть дочь, мы существовали параллельно, в разных городах, ей хватало моей матери. Я не собиралась тебя грузить этим. Думала, Ника станет совершеннолетней, как-то ее жизнь устроится. За ее отцом я не была замужем. Наших с тобой отношений все это могло никак не коснуться. Я знаю, что ты не любишь детей. Но вот случилось. Мать умирает, я пыталась договориться со школой о том, что Ника поживет одна. Квартира на нее записана. Она самостоятельная, со всем может справиться. Но они возникли, как идиоты, опеку привлекли. У Ники были какие-то проблемы с детской комнатой, как у многих подростков. Короче, стали угрожать детдомом. Но это все же моя кровь. Вот и вся проблема. Она только моя, и я постараюсь, чтобы ты никогда от нее не зависел. Сегодняшний вечер, конечно, вышел комом. Не уходи так.

– Я все же задам один вопрос: ты не могла мне все это сказать на работе или по телефону до того? Без маразматического сюрприза.

– Нет, не могла.

– Почему?

– Потому что ты никогда бы к нам не пришел. А теперь мы все же посидели за одним столом. Ты отойдешь и поймешь, что все совсем не страшно. А квартира теперь у меня настолько большая, что мы в ней спокойно все разойдемся. Не захотим – неделями не будем встречаться с Никой. И ты будешь приходить, как раньше, когда тебе удобно.

Разговор стал бесполезным. Никита даже не понял, когда он согласился поехать с Валей в сквер неподалеку. И там, в сырой темноте под кустами, они – не любили, нет, – они брали, использовали и насиловали друг друга. И в уродливой

похоти Никита находил тот риск и смысл естественного существования, ради которого стоило терпеть и жизнь в принципе.

Кровь и судьба

После разговора с Лидой Даша не успела поговорить о помощи Васе со своим родственником. Один работодатель Дмитрия договорился, организовал и оплатил пребывание ребенка в хорошем санатории в Черногории. Затем Лиде издательство помогло поехать с сыном в оздоровительный центр в Болгарии на два месяца. Все понимали страстное желание родителей не привлекать к проблеме врачей и больницы. После этого любая психологическая проблема станет диагнозом.

Вася после путешествий и отдыха стал таким невероятным красавцем, что Даша, увидев его с Лидой на улице, ахнула:

– Боже, я прямо ослепла от его красоты. Лида, я правильно понимаю, что у вас все налаживается?

– Да, у нас все прекрасно, – бодро сказала Лида. – Я позвоню тебе из дома.

И позвонила, когда мальчик ее не слышал:

– Дашенька, Вася окреп, похорошел, как ты сама видела. Но все его проблемы в силе. То есть о том, чтобы пойти в первый класс, на данном этапе не может быть и речи. Мы можем вернуться к теме твоего зятя и его центра? Я слежу, о них хвалебные отзывы. Конечно, это просто пиар, но…

– Я все поняла, – торопливо проговорила Даша. – Надо было, наверное, сразу. Сделаю, конечно. Все будет в порядке.

Даша позвонила Светлане, чтобы договориться о встрече. Ей не хотелось о проблеме Васеньки говорить по телефону. И лучше, если с Никитой сначала поговорит Света. Таким был обычный порядок: Светлана гордилась своей ролью жены влиятельного мужа, который ей ни в чем не откажет.

Время было рабочее, но Светлана оказалась не в клинике, а дома. Сказала, что неважно себя чувствует.

Она открыла дверь, и Даша не сдержала потрясенного «ой».

Света была в каком-то старом ситцевом халате и выглядела ужасно. Волосы темного золота были явно немытыми, закрученными на макушке. Лицо смертельно бледное. На левой скуле синяк, над правым глазом опухшее багровое веко. На губах темная, как будто кровавая корочка.

– Только не надо так меня рассматривать, – нервно сказала она сестре. – Пойдем на кухню, выпьем кофе. И я, наконец, перестану строить из себя благородную даму на облаке. Я расскажу тебе про свою жизнь. Про обычную, не лакированную жизнь женщины и мужчины. Ее редко показывают, о ней не рассказывают. Но тебе пора узнать. У тебя все впереди. – Она притянула к себе Дашу, и та почувствовала запах спиртного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mihaylova_evgeniya/sindrom-dezdemony

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити